

Российская академия наук
Институт истории материальной культуры

ТРУДЫ
III (XIX)
ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА

Великий Новгород — Старая Русса

Том II

Ответственные редакторы
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров*
Член-корреспондент РАН *Е.Н. Носов*

Санкт-Петербург — Москва — Великий Новгород
2011

- родовые земли и осквернившие их священную гору Тугэшань (в 2010 г. на г. Шапке найдены жилища найфельдской группы мохэ).
2. Переселившиеся сумо мохэ для хэйшуй уже были *чужие*. Сумо же, потерпевшие поражение от хэйшуй мохэ, могли восприниматься бэй шивэй как *свои* из-за их конфликта с хэйшуй мохэ, к тому же общавшиеся с ними на понятном им монгольском языке.
  3. Анализ археологического материала показал, что *интеграция* бэй шивэй в бохайское сообщество,

представленное сумо мохэ, привела к созданию синкретичной троицкой группы мохэ.

4. Имеющиеся материалы говорят о незначительных контактах представителей двух групп мохэ в Западном Приамурье. При этом памятников троицкой группы значительно больше, чем найфельдской, и с VIII в. они *сосуществуют*, иногда на одной территории.

Таков общий набросок схемы этнокультурных взаимоотношений населения в Западном Приамурье во второй половине I тыс.

***

Бичурин Н.Я., 1998. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы. Т. II.

Болотин Д.П., 2010. Мохэские традиции в Западном Приамурье // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск. Вып. 6.

Сунь Хун, 2001. Мохэ, бохайцы, чжурчжэни // Древняя и средневековая история Восточной Азии: К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток.

Сунь Цзиньци, Ай Шэнью, Чжуан Янь, 1991. Этническое происхождение бохайцев // Бохай-дэ лиши юй вэньхуа (История и культура Бохая). Яньбянь жэньминь чубаньшэ (на кит. яз.).

В.С. Нефедов

Институт археологии РАН, Москва

Смоленские кривичи и Русь: североевропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах

Смоленское Поднепровье было в конце IX – X в. одним из главных очагов формирования Древнерусского государства и древнерусской культуры. Местное кривичское население, т.е. носители культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСДК), несомненно, принимало участие в этих процессах, хотя характер и степень этого участия пока не вполне понятны.

Одним из основных источников для решения вопроса о влиянии складывавшейся древнерусской культуры и древнерусского населения на КСДК выступают предметы североевропейского (преимущественно скандинавского) и собственно древнерусского происхождения, найденные на памятниках КСДК. Рассмотрим соответствующие находки из погребальных комплексов этой культуры, расположенных на территории будущей Смоленской земли – в Смоленском Поднепровье, а также в Смоленском и Торопецком Подвинье.

Выделение указанных древностей на «недревнерусских» памятниках Восточной Европы конца I тыс. вызывает некоторые трудности. Они связаны, во-первых, с тем, что древнерусская материальная культура была по сути синкретичной, т.е. активно заимствовала технологии, стили и типы изделий, выработанные в других, в т.ч. неславянских культурах Восточной Европы и соседних регионов. Во-вторых, к концу I тыс. относится начальный этап формирования древнерус-

ской культуры, когда оригинальные, исключительно ей присущие виды изделий только начали создаваться. Фактически речь может идти о выделении в погребальном инвентаре КСДК типов изделий, наиболее характерных именно для ранних древнерусских памятников, которые вероятнее всего могли попасть к смоленским кривичам от древнерусского населения или от скандинавов.

В исследуемую выборку включено около 70 предметов из 22 погребений в восьми могильниках. Эту выборку для памятников восточной части ареала КСДК можно считать минимальной, т.е. в действительности изделий такого рода там может быть больше. В нее входят:

1. *Украшения и детали костюма*: шейная гривна сложного сечения с многогранными головками (рис. 1: 7); равноплечные фибулы (2) типов IA: 1 и IB: 1 по Г.-Б. Огорд (рис. 1: 1, 2); подковообразная фибула со звериной личиной в стиле Борре (рис. 1: 3); подковообразные фибулы с многогранными головками (3) (рис. 1: 5, 6); подвески-лунницы (2) (рис. 1: 8, 9); «трехдырчатые» подвески (4) (рис. 1: 14, 15); ромбовидные подвески (19) (рис. 1: 16–18); плетеные цепочки (не менее 20) (рис. 1: 16–19); браслеты, близкие к «узкомассивным» по В.П. Левашевой (2) (рис. 1: 10, 11); широкосрединный перстень (рис. 1: 12); перстень

из 4-гранного тордированного дрота (рис. 1: 13); круглая сбруйная бляшка с медвежьей (?) личиной в стиле Борре (рис. 1: 4).

2. *Бытовые предметы*: ножи группы IV по Р.С. Минасяну (6) (рис. 1: 20, 21); односторонние гребни (6), определяемые обломки которых принадлежат к группе 1, варианту в (4) (рис. 1: 22–25) и группе 2 (1) (рис. 1: 26) по О.И. Давидан.

Дополнительно укажем на две группы бус, которые проникают к носителям КСДК только с появлением на изучаемой территории древнерусских поселений: стеклянные навитые «зонные» (9) и сердоликовые (5). Почти все они найдены в тех же погребениях, что и упомянутые ранее изделия. Учет этих бус добавляет только одно новое погребение, т. е. всего рассмотрено 23 комплекса.

Гривна изготовлена из низкопробного серебра, одна из лунниц свинцово-оловянная, остальные украшения бронзовые или латунные. Большинство типов украшений представлено в погребениях единичными находками или сериями в 2–3 экземпляра, что может указывать на их в основном случайное попадание к носителям КСДК. Исключение составляют литые трехдырчатые и ромбовидные подвески, а также плетеные цепочки, на которых носили ромбовидные под-

вески. Эти украшения производились на древнерусских торгово-ремесленных поселениях X в. (Гнездово, Городок на Ловати) специально или преимущественно для носителей КСДК.

Более половины погребений КСДК с североευропейскими и древнерусскими изделиями датируется концом IX – X в., самые поздние – второй половиной X в. Для двух комплексов (Заозерье, курган 64, погребение 2; Торопец 2, курган 23) датировка IX в. более вероятно, но не исключена и первая половина X в. Следовательно, поступление к смоленским кривичам такого рода предметов началось во второй половине или, вероятнее, в конце IX в., но в основном приходится на X в., главным образом на его первую половину и середину.

Приведенные данные, в частности, показывают многочисленную серию погребений КСДК X в. (возможно, исключая конец столетия) в изучаемом регионе, синхронную ранним древнерусским памятникам, и опровергают мнение о том, что эта культура на Смоленщине исчезает не позже начала X в.

Показательна топография рассматриваемых погребений. Большинство из них сконцентрировано в могильниках Смоленского Подвинья, точнее, бассейна р. Каспля: Заозерье (12) и Шугайлово (4); небо-

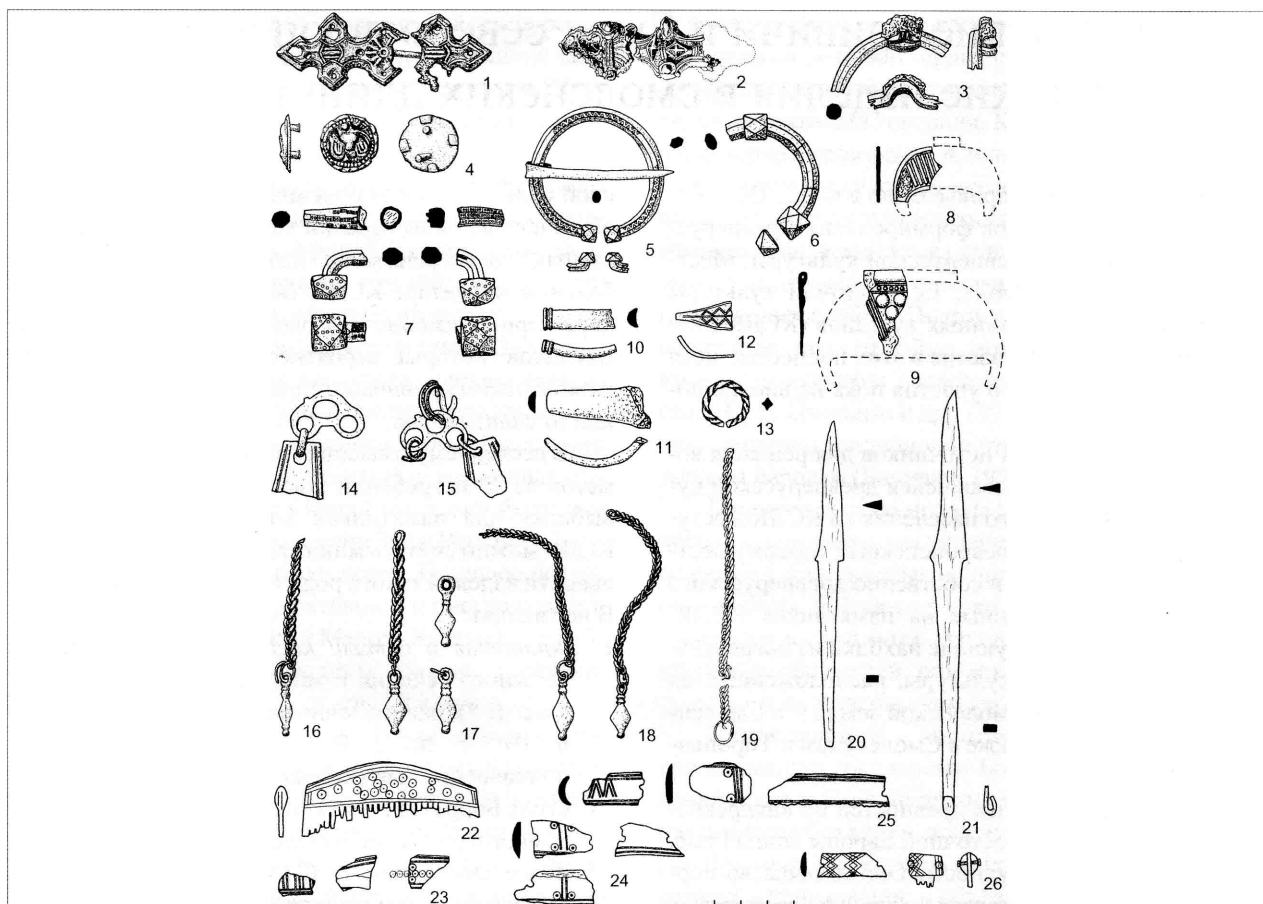

Рис. 1

Североευропейские и древнерусские изделия из смоленских длинных курганов:

1, 15 – Заозерье, курган 68; 2 – Торопец 2, курган 23; 3 – Заозерье, курган 4, погребение 2; 4 – Арефино, курган 3 (22), 1874 г.; 5, 25, 26 – Заозерье, курган 63, погребение 4; 6 – Шугайлово, курган 19, погребение 2; 7, 17 – Шугайлово, курган 8; 8, 19 – Сельцо, курган 1, 1968 г.; 9 – Михайково; 10, 18 – Заозерье, курган 5, погребение 4; 11, 16 – Речане, курган 1; 12 – Заозерье, курган 5, погребение 2; 13 – Заозерье, курган 5, погребение 1; 14 – Заозерье, курган 59, погребение 2; 20 – Заозерье, курган 67, погребение 3; 21 – Заозерье, курган 48, погребение 2; 22 – Шугайлово, курган 6, погребение 1; 23 – Заозерье, курган 52, погребение 1; 24 – Заозерье, курган 64, погребение 2

льшая концентрация наблюдается в низовьях р. Воль, правого притока Днепра (Михейково, Сельцо – всего три) и в районе будущего г. Торопец (Речане, Торопец 2 – всего два). К югу от Днепра, на его левобережье, погребения с интересующими нас вещами почти не встречаются (Арефино, Кушлянщина – всего два). Обращает на себя внимание почти полное отсутствие погребений КСДК с рассматриваемыми предметами в радиусе около 50 км вокруг Гнездова, в то время как в окрестностях ранних древнерусских центров более низкого ранга (Рокот, Шишкино, не сохранившееся городище (?) на западной окраине Торопца) они распространены. Между тем, могильники КСДК VIII–IX вв. в центральной части Смоленского Поднепровья, включая его левобережье, довольно многочисленны. Вероятно, этот факт свидетельствует об исчезновении или резком сокращении числа поселений КСДК на расстоянии около двух дневных переходов от раннегородского поселения в Гнездове уже в первой половине X в.

К сказанному можно добавить, что в некрополе Гнездова нет не только погребений КСДК, но, по-видимому, и отдельных украшений этой культуры, в то время как на Гнездовском поселении находки последних многочисленны. Это обстоятельство может указывать на то, что носители КСДК присутствовали в Гнездове, но не жили там постоянно и не входили в состав раннегородской общины.

В целом приведенные данные характеризуют контакты древнерусского населения и кривичей на Смоленщине как довольно активные и длительные (около 100 лет). Показательно, что количество выделенных изделий североевропейского и древнерусского происхождения превышает число «салтовских» предметов в погребениях КСДК на той же территории. Тем не менее, можно заключить, что это культурное взаимодействие было неравноправным и протекало в условиях сильного военно-административного давления древнерусской, особенно гнездовской «элиты» на местных жителей.

Т.Б. Никитина, Д.Ю. Ефремова

*Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола*

Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX–XI вв.¹

Роль женщин, захороненных с орудиями литья, в хозяйственной деятельности средневекового общества достаточно полно и ярко раскрыта в работах Б.А. Рыбакова (Рыбаков, 1948) и Л.А. Голубевой (Голубева, 1984), которыми был поставлен вопрос о развитии женского литейного ремесла. С тех пор термин женщины-«литейщицы» прочно вошел в научный оборот.

На сегодняшний день новые источники по аналогичным захоронениям и возможности проведения металлографических анализов льячек и украшений, антропологических и биоархеологических исследований костей из погребений, привлечение этнографических и фольклорных материалов позволяют существенно расширить тему исследования – определить место женщин, захороненных с орудиями литья, в социальной и духовной жизни общества.

В марийских могильниках Волго-Вятского междуречья IX–XI вв. (Веселовском, «Черемисском кладбище», «Нижней стрелке», Дубовском, Русенихинском) обнаружено более 20 комплексов с льячками и литейными формами: трупоположения, трупосождения и жертвенные комплексы в межмогильном пространстве. Орудия литья в погребениях (от одной до трех лья-

чек, литейные формы) входили в состав вещей, положенных в изголовье, и только в одном случае льячка обнаружена в ногах. Вместе с льячками часто встречаются другие орудия труда: ножи, шилья, пряслица и т.д.

Анализ инвентаря позволил выявить вещевой комплекс, характерный для абсолютного большинства аналогичных захоронений: несколько рядов металлической цепочки в составе головного убора, височные кольца, наборный пояс, костяные копоушки, нагрудные украшения, браслеты и перстни, кресала для добывания огня. Среди височных колец преобладают браслетообразные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут (рис. 1: 4), среди нагрудных украшений парные коньковые подвески с трапециевидной основой (рис. 1: 7) или круглые наборные подвески с шумящими привесками (рис. 1: 6). Все они являются этноопределяющими марийскими украшениями эпохи средневековья. В тех случаях, когда в погребениях не обнаружены нагрудные украшения, присутствует ожерелье, в состав которого входят зооморфные подвески или когти животных (рис. 1: 10).

По материалам Русенихинского могильника можно сделать реконструкцию костюма. Его особенности

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 11-11-12001а/в).